

Светлана Кекова: «ЧЕЛОВЕК, ТВОРЯЩИЙ СЛОВОМ»

В этом году одним из лауреатов Патриаршей литературной премии стала поэт Светлана Кекова. В ее творчестве ключевое место занимает православная тема. Ее стихи передают пасхальный взгляд на мир и чувство благодарности Творцу. В интервью «Журналу Московской Патриархии» Светлана Кекова поделилась своими мыслями о современной русской литературе.

Досье. Светлана Кекова — доктор филологических наук, специалист по творчеству Николая Заболоцкого и Арсения Тарковского. Автор книг «Стихи о пространстве и времени», «Плач о Древе жизни», «На пути в Эммаус», «Стихи о людях и ангелах», «Нездешний гость» и других. Живет в Саратове.

В тему. В 2023 году Патриаршей литературной премии удостоены три писателя: публицист протоиерей Владимир Вигилянский, прозаик Валерий Хайрюзов и поэт Светлана Кекова. Торжественная церемония избрания и награждения лауреатов прошла 31 мая в Зале церковных соборов Храма Христа Спасителя.

— **Светлана Васильевна, какие, на ваш взгляд, эстетические, этические и духовные задачи у современной литературы?**

— Любая проблема, связанная с литературой и, шире, с культурой в целом, имеет антропологическое измерение. Что собой представляет человек, творящий словом новую реальность? Чувствует ли он свою ответственность перед Богом и людьми? Как писатель относится к тому дару, который дан ему? Воспринимает ли свое творчество как служение? Чувствует ли он тайну души человеческой, о которой хочет поведать читателю? Эти вопросы можно продолжать, и именно в ответах на них мы можем сформулировать те задачи, которые стоят перед литературой. Современная литература, если она не порывает с великой традицией литературы русской, эстетически, этически и духовно призвана к исполнению тех «заповедей», которые оставили нам великие русские писатели — Пушкин и Тютчев, Достоевский и Толстой, Шолохов и Распутин...

Достоевский проводит своих героев через испытания и искушения, через крест. У Раскольникова происходит пасхальное чудо «воскресения» и преображение его личности, а у Ставрогина или Смердякова — полная и окончательная смерть. Исследователи творчества писателя говорят о «пасхальности» как об эстетической категории в произведениях Достоевского и, шире, как о свойстве русской литературы в целом. А если вспомнить пушкинскую строку из стихотворения «Памятник» — «Веленью Божию, о муза, будь послушна», Божий призыв в стихотворении «Пророк» — «Восстань, пророк, и виждь, и внемли, / Исполнишь волею

Моей», то задачи, стоящие перед современной литературой, становятся предельно ясными. Яд атеизма, отравивший европейского человека и едва не приведший к гибели России в трагическом двадцатом веке, поразил и литературу. Постмодернистские игры, ставшие одной из главных стратегий в современной литературе, тому подтверждение.

— **Можно ли сказать, что литература сегодня занимает скромную нишу, что она стала маргинальной?**

— Литературу постарались сделать маргинальной разными способами: агрессивным насаждением массовой культуры, разрушением той системы, при которой в библиотеки и книжные магазины поступали практически все издаваемые в России книги, сломом системы гуманитарного образования в школах и вузах... — можно продолжить этот ряд. Исследователи нынешней культурной ситуации напрямую говорят об издательском сговоре в стремлении максимально снизить влияние на умы серьезной литературы. Бестселлерами становятся такие книги, которые не имеют ничего общего с литературой и теми ценностями, которые она призвана нести. Можно сказать, что все делается для того, чтобы лишить читателя высоких смыслов, развратить его. К счастью, это не всегда удается. Например, когда появилась книга митрополита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые», то читатель откликнулся так, что ее совокупный тираж превысил миллион экземпляров. Трехтомник замечательного писателя Бориса Шергина, включающий дневник писателя «Праведное солнце», моментально был раскуплен и сейчас является библиографической редкостью. Книги Сергея Дурюлина сложно отыскать, давно раскуплен и его трехтомник, и книга «В своем углу» — дневниковые записи писателя. Существует жажда истинного слова, которое проникает в душу человека. Можно говорить о трагедии разрыва между автором и читателем. Читатель — при обилии издающейся литературы и при наличии всеобщего интернета — не может зачастую сориентироваться в том потоке информации, который обрушивается на него. Особенно тяжелая ситуация с поэзией. Даже книги наших прекрасных поэтов-классиков Александра Кушнера, Олега Чухонцева, Юрия Кублановского и других

практически недоступны, до провинциальных городов их книги не доходят. Поэтические сборники выходят крохотными тиражами, тысяча экземпляров уже считается хорошим тиражом, а ведь были времена, когда 25 тысяч считались тиражом маленьким.

— И все же мы помним, что «поэт в России больше, чем поэт». Слово писателя способно по-прежнему пробудить сердце человека к правде, свидетельствовать об истине и добре?

— Слово-то способно пробудить сердце человека, и есть у нас сейчас замечательные писатели, продолжающие великую традицию русской литературы, воспринимающие свою жизнь как служение, раскрывающие тайну

мира и сердца человеческого. Вопрос в другом: как и где встретиться современному человеку с этим словом?

— Как вы, представитель интеллектуальной и православной литературы, чувствуете себя в соседстве с массовой культурой, которая доминирует?

— Я себя чувствую не в соседстве с этой литературой, а в активном противостоянии ей. У Николая Заболоцкого есть стихотворение «Одинокый дуб». Позволю себе привести это стихотворение полностью:

*Дурная почва: слишком узловат
И этот дуб, и нет великолепия
В его ветвях. Какие-то отрпенья
Торчат на нем и глухо шелестят.*

*Но скрученные намертво суставы
Он так развил, что, кажется, ударь —
И запоем он колоколом славы,
И из ствола закапает янтарь.*

*Вглядись в него: он важен и спокоен
Среди своих безжизненных равнин.
Кто говорит, что в поле он не воин?
Он воин в поле, даже и один.*

Конечно, Заболоцкий говорит здесь о себе, о своей судьбе. Но это и призыв, обращенный к нам, живущим сейчас.

— С кем из великих поэтов вы ощущаете связь и преемственность?

— Я не случайно процитировала стихотворение Николая Заболоцкого, для меня его поэтический мир, его жертвенное служение истине, тайна его личности, воплощенная в высокой тайне слова, — это воплощенное чудо, которому я не перестаю изумляться. Советский критик Георгий Маргвелашвили в своих воспоминаниях о Заболоцком написал, что именно этот поэт открыл тайну пушкинского слова. И еще я хочу назвать имя Арсения Тарковского, в поэзии которого преображается и столь знакомый каждому мир с его простыми вещами, и «вседневный человеческий словарь».

— Кого из современных писателей любите и цените?

— Люблю и очень ценю поэзию Александра Кушнера, Юрия Кублановского, Марины

Кудимовой, Станислава Минакова, Надежды Кондаковой, Андрея Дмитриева, Олеси Николаевой. Олеся Николаева еще и замечательный прозаик. И еще мне хочется сказать о прозе Бориса Екимова. Это, безусловно, современная классика — и с точки зрения эстетической, и этической, и духовной. Его рассказы и повести в целом — это великое эпическое полотно русской жизни, основание которой — совесть человеческая, милосердие и сострадание. Мне кажется, что Екимов в прозе так же, как Заболоцкий в поэзии, открыл тайну пушкинского слова.

— *Кто из авторов прошлого сегодня особенно актуален?*

— Пушкин и Достоевский.

— *Есть ли у литературы будущее в мире цифровых технологий, виртуальной реальности?*

— Наверное, вопрос должен звучать так: «А есть ли у человека будущее в мире виртуальной реальности?» В виртуальной реальности человека нет, есть «симулякр» человека. Соответственно, в виртуальной реальности есть «симулякр» литературы. Но я надеюсь, что истинная реальность, богоданная реальность не исчезнет, а значит, не исчезнет живой человек и подлинная литература, хотя бы у «малого стада».

Беседовала Татьяна Медведева

Стихи Светланы Кековой

Лазарева суббота

Смерти просты законы.
Взгляд у нее безгневный.
Смотрит на нас с иконы
Лазарь Четверодневный.
Сердце больное ноет:
нет ему в мире места...
Мама тарелки моет,
бабушка месит тесто.
Ставим на стол бутылки:
в сером пальто из драпа
в дом из бессрочной ссылки
нынче вернулся папа.
Руки и ноги целы,
снова он вместе с нами,
только повито тело
белыми пеленами.
Он головой качает,
спрашивает: не ждали?
Бабушка отвечает:
— Где же твои медали?
Видишь, как покосился,
высох и сполз к оврагу
дом твой, пока ты бился
за Сталинград и Прагу?
— Смерть — не моя забота,
Есть от нее спасенье —
Лазарева суббота,
Вербное воскресенье...

Щегол

Я, вступившая в мамин посмертный возраст,
вдруг да вспомню вечером, как она
посыпала сахарной пудрой хворост
и стирала скатерти изо льна,

огурцы с грибами солила в кадках —
были эти хлопоты ей близки,
шила детям платьица в легких складках
и вязала варежки и носки.

Было разных дел и забот немало,
не кончался вечером день ее,
и сияло в панцире из крахмала
на шершавой полке в шкафу белье.

Есть у быта русского сонмы пленниц,
несть и русским мученицам числа,
но она, смиренница из смиренниц,
так светло и ясно свой крест несла.

Ей печаль открыла свои объятия,
а болезнь в свою занесла графу,
и всего одно выходное платье
много лет висело в ее шкафу.

И когда ушла из земного плена
птица светлая об одном крыле,
в день святого мученика Гермогена
мы предали тело ее земле.

*Я возьму засохшего хлеба крошку,
что она когда-то давно пекла,
и надену варежку на ладошку,
на которой жив силуэт щегла.*

*И, как будто празднуя именины,
запоет в конце февраля щегол,
и икона мученицы Антонины
увенчает наш поминальный стол.*

***

*Утром вербы срезать ветку
и потрогать тонкий ствол...
Постелить клеенку в клетку
на большой дубовый стол,*

*зачерпнуть святой водицы
в узкий ковшик жестяной.
Видишь — ангелы и птицы
делят трапезу со мной?*

*Скрипнет старая калитка,
дрогнет воздуха вуаль,
электрическая плитка
изогнет свою спираль,*

*а потом огнем нальется
и начнет в ночи светить,
будет воду из колодца
в медной кружке кипятить.*

*Затрещит на стенке счетчик,
словно маленький сверчок,*

*ангел, как усталый летчик,
плащ повесит на крючок.*

*И за стол дубовый сядет,
словно он пришел домой,
и крылом меня погладит,
и заплачет,
Боже мой...*

***

*С церковью рядом ремесленник бродит печаль-
ный,
глину он ищет и стан размещает гончарный.
Рядом, на паперти, голуби ходят кругами.
Вылепил мастер барашка с крутыми рогами,
ослика белого и голубую синицу,
кисть для художника, а для поэта — цевницу.
Вылепил лиру, ненужную грешному миру,
вылепил ангела — бедным мирянам и клиру.*

*Что-то мне кажется, что-то мне чудится,
мнится:*

*с церковью рядом горбатая бродит травница.
В яркую зелень бросает стальную булавку,
в лавку приносит простую целебную травку:
горький бессмертник, простой подорожник
и млечник,
чтобы заваривал чай себе старый горшечник,
чтоб становилось горшечнику горько и сладко,
чтоб от больного бежала бы прочь лихорадка.*

*В гибких ветвях воробьи раскричались, как
турки.*

*Старый ремесленник новые лепит фигурки:
двух снегирей на заснеженной ветке рябины,
пойманных рыб, изогнувших блестящие спины,
лепит павлина на древе из райского сада,
лепит Орфея, ведущего душу из ада,
и Моисея с жезлом, источающим воды,
лепит из глины он грех, поразивший природу.*

*Мастер уснул, распроставшись с земными
делами.*

*Церковь стоит и сияет во тьме куполами.
С церковью рядом горбатая бродит знахарка,
ждет, чтоб ей подали дым от свечного огарка.
Облако в небе, как время, меняет обличье,
глиняный ангел летит, причитая по-птичьи,
тихо летит над землею, убогой и сирой,
глиняный ангел со сломанной глиняной лирой.*